

Труд-7. - 1998. - 20 февр. - с. 7.

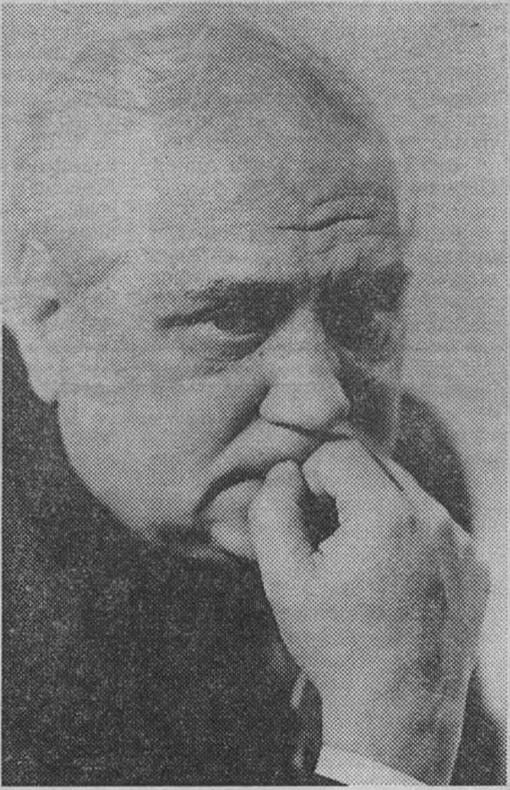
Дозвониться до Игоря Олеговича Горбачева непросто. Целые дни он проводит в театральном институте "Школа русской драмы" на занятиях по актерскому мастерству. Наконец мне повезло, и в назначенное время я поднялась по старой узкой лестнице отнюдь не "буржуйского" дома, куда совсем недавно переехало семейство Горбачева. Дверь мне открыл хозяин в черном, строгом костюме. Мы расположились в небольшой, тесной от мебели, комнате. Прямо передо мной на комодке стояла скульптура Горбачева в роли Хлестакова, принесшая когда-то молодому артисту всесоюзную славу. А на стене висела фотография миловидной женщины с большой копной волос.

— Это портрет моей матушки, когда отец ее увидел, то без памяти влюбился и женился, хотя был из дворянской семьи, — перехватив мой взор, прокомментировал Игорь Олегович. — Как неумолимо бежит время, — продолжил Горбачев, — теперь и я стал дедушкой, а как взгляну на портрет, так кажется, что я по-прежнему молодой и вся жизнь впереди.

— Игорь Олегович, осенью прошлого года театральная общественность отмечала ваше 70-летие. Наверное, как большому артисту вам было сказано много хороших слов, ведь в театре вы исполнили около 200 ролей, более сорока — в кино. Почему же сейчас вы играете только в одном спектакле "Не все коту масленица"? Может, это своего рода месть за прежнее привилегированное положение, когда вы возглавляли Театр имени Пушкина и дружили с первым секретарем Ленинградского обкома партии Романовым?

— Начнем с того, что особыми привилегиями я никогда не пользовался. У меня всегда были сложные отношения с отделом культуры обкома партии. И когда начинали очень сильно давить на театр, я шел на прием к Романову, просил разобраться. Но прибегал к этому крайне редко. Вероятнее всего, я раздражал многих своей самостоятельностью и независимостью, строгой репертуарной политикой Александрички. Меня называли консерватором, а я хотел продолжать традиции Константина Варламова и Василия Каратыгина. Я хотел, чтобы театр был той кафедрой, с которой можно сказать миру много доброго. Ведь в русской традиции позиция художника и позиция гражданина всегда были неотделимы, и поэтому слово писателя, артиста очень много значило для общества.

Возглавляя театр в течение пятнадцати лет, я убедился, что в нашем деле надо обязательно что-то утверждать, защищать, на чем-то стоять, чему-то поклоняться — иначе публика ничего полезного для себя не вынесет. Этому меня учили мои педагоги Леонид Макарьев и Леонид Вивьен. Да и верные мои товарищи Василий Меркурьев, Юрий Толубеев, Николай Черкасов были так любимы в народе потому, что их герои воплощали все лучшее, что было и есть в нашем человеке. Я много поездил по свету и могу с уверенностью сказать, что такого доброго, терпеливого народа, как наш, нет нигде. Поэтому сегодня меня не может не волновать, что людей заставляют жить по законам жесткого прагматизма под лозунгами: "выживает сильнейший", "падающего подтолкни", "каждый отвечает сам за себя". Все это мне не нравится. И не потому, что я в один миг стал нищим, а я им стал,



будучи Героем Социалистического Труда, профессором, лауреатом множества премий. За последние годы меня превратили в зависимого человека, я уже не могу пригласить к себе в гости друзей и вкусно их угостить, не могу побегать и купить цветы великолепно играющему коллеге. Не могу подарить на Новый год жене ее любимые духи. Конечно, без всех этих милых сердцу привычек можно обойтись и жить на зарплату в 560 рублей, которую я получаю в Пушкинском театре, как народный артист СССР...

С моими личными проблемами я, повторю, готов примириться. Я пережил ленинградскую блокаду — и мне ничего не страшно... Но я никогда не думал, что деньги станут решать все в нашей стране.

Подражая Западу, мы отказались от своего, присущего России пути, потеряли свое национальное достоинство, оплевали все то хорошее, что было достигнуто в прошлые годы.

— Вы считаете, что предложенный советской властью образ жизни наиболее приемлем для русского народа? Но как это можно совместить с преследованием инакомыслящих, погибшими в лагерях, всеобщей уравниловкой?

— Когда к власти приходят нечистоплотные люди, то самая прекрасная идея начинает деформироваться. Нас обманули, но это не значит, что социалистическая тео-

рия как формула жизни общества в целом была ложной в своей основе. Помните у Горького: "Когда труд — удовольствие, жизнь хороша, когда труд — обязанность, жизнь рабство". Да, вы правы: равенство мы превратили в уравниловку. А надо было делать так, чтобы лучший слесарь-изобретатель мог ездить на "мерседесе", а пьяница ходил пешком.

Да, свободу при советской власти спеленали, но с братством народов у нас получилось. Мы никогда не задумывались, кто какой национальности, и людей не делили по этому признаку. Бог, пролетая над Россией, бросил нам столько нефти, угля, золота, что на всех хватит. Раньше я чувствовал себя своим и в Киеве, и в Ташкенте, повсюду у меня были друзья. А сегодня между нами пролегли границы...

— Может, в вас говорит син-

ни русскую классику, ни Леонида Зорина, ни Алексея Арбузова, а брал только пьесы западных абсурдистов. Кем только меня не обзывали: и русофилом, и "деревенщиком", только что на сковородке не поджаривали. Долго они старались и все-таки раскачали театр изнутри.

С моей стороны никаких демаршей не было, я только попросил тогдашнего министра культуры приехать и разобраться. Он не счел нужным приехать, и тогда я написал заявление: "В театре произошел раскол, что губительно для творческого процесса. В связи с этим прошу освободить меня от должности художественного руководителя театра". На этом вся моя борьба за театр закончилась. Может быть, сейчас у них что-то получится... Дай им Бог! Только почему-то часть труппы опять потянулась к прошлым традициям...

шельку в кармане их родителей.

— А где вы берете деньги, если не секрет?

(Горбачев протягивает руку, как бы прося подаяние).

— И куда ходите?

— Вплоть до мясной лавки. Когда прихожу, то слышу восклицания: "Смотрите, кто пришел!" И подают "милостыню". Вероятно, прошлые актерские заслуги помогают. Первый раз, собрав деньги, положил их в "Гермесфинанс", а банк возьми да и лопни... Целое лето потратил на сбор денег, всю Россию объездил. Снова собрал. Положил деньги в самый крепкий и могучий "Абибанк". Через три месяца он лопнул. Тут я хотел повеситься...

— Игорь Олегович, а зачем вам нужна эта головная боль?

— Я не могу видеть то, что происходит на сцене наших театров, не могу смотреть, как мои любимые актрисы бегают с голыми грудями

ГОРБАЧЕВ ЗНАМЕНИТЫЙ АКТЕР, НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР ПРИХОДИТ В ОФИСЫ БАНКОВ И ФИРМ ПРОСИТЬ ДЕНЬГИ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ СВОИХ СТУДЕНТОВ С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

дром "старшего брата"? Работая в отделе национальных театров в одном журнале, я много ездила по бывшим союзным республикам и видела, как режиссеры пытались протолкнуть в спектаклях национальные идеи, а их "не пущали". Сегодня они получили возможность играть на родном языке. К счастью, ваши спектакли никогда не закрывали и вы не испытывали тоски по сладкому слову "свобода"!

— Потому что я никогда не шел против самой идеи советской власти, не держал кукишей в кармане, как некоторые режиссеры. А если мне что-то не нравилось, — говорил об этом честно и открыто. Ведь вы не будете отрицать, что в то время ни один ребенок летом не отдыхал на асфальте, а все шахтеры и металлурги бесплатно ездили в санатории?

— Но именно в те годы многие привыкли жить на хлебниками... А ведь во всем мире живут только те хорошо, кто много и упорно трудится. Мы же только сейчас учимся работать. Но давайте не отклоняться от темы. Скажите, почему все-таки театральная общественность так ополчилась против вас? Ведь не только вы один помогли советской власти в утверждении ее идеологии. И почему в театре произошел раскол, вынудивший вас покинуть капитанский мостик?

— В конце 80-х годов во всех театрах прошли бунты, а в Пушкинском было тихо. Это очень не устраивало Союз театральных деятелей. Я был как кость в горле со своей идеей русского театра. Почему-то всем хотелось, чтобы Театр имени А.С. Пушкина не ставил

— А когда артистам легче жить: прежде или теперь?

— Конечно, прежде. Если они были в штате театра, то не задумывались о завтрашнем дне. А что касается работы, так это и тогда, и теперь готовы ночи напролет репетировать — только бы роли были интересные.

Нынешнее государство бросило культуру на произвол судьбы. Оно считает, что тратить деньги на библиотеки, театры — это нерентабельно. Это же надо было додуматься Марку Захарову, чтобы через газету предложить закрыть все малоперспективные театры. Это окончательно убьет русскую культуру, потому что любой театр в маленьком городе создает вокруг себя атмосферу гармонии и добра. К слову говоря, чем дальше театр от столицы — тем меньше в нем коммерции и больше душевности.

— И все-таки почему русский театр с такими богатыми духовными традициями не может противостоять нахлынувшей волне пошлости и дурновкусия, а люди, работающие в нем, стали превращаться в обслугу — только бы хорошо платили?

— Когда артисты неожиданно оказались лицом к лицу с мрачной жизнью, без поддержки государства, тут уже стало не до высоких материй. К великому моему сожалению, русский психологический театр сегодня очень сильно деградирует. Мне горько это осознавать. И вот, чтобы кого-то оставить после себя, я решил открыть театральный институт.

— Скажите, а студенты платят за обучение?

— Нет! Как я могу себе такое позволить? Ведь тогда надо будет набирать не по таланту, а по ко-

по той сцене, где когда-то ходила Мария Савина, выступали Владимир Давыдов, Константин Варламов. Перевернуть мир я не могу, но ведь кто-то должен прикурить от моего тлеющего огонька... Нет дня, чтобы ко мне не приходили мои прежние выпускники. Сидят, плачут, все спрашивают, когда мы свой театр организуем? Слушаю я их, слушаю, а потом ночью заснуть не могу, хожу, думаю, курю.

— Не пытались найти успокоение в религии?

— Я не могу причислить себя к истинно верующим людям. Вот моя мама верила глубоко и сильно. Конечно, я верю в Высший Разум, но не думаю, что когда умру, то сразу попаду в объятия матушки. Хотя очень хотелось бы...

...В дверь позвонили, за женой Игоря Олеговича приехала машина, надо было везти ее в больницу на консультацию — ноги у нее болят, ходить трудно. Большой белый пудель ворвался в комнату и стал требовать внимания к себе, давая мне понять, что я слишком засиделась. Надо было расставаться. Не знаю почему, но на душе было грустно. Может быть, оттого, что жизнь так быстротечна и неизвестно, когда я еще увижу в новой роли замечательного артиста, а может быть, оттого, что в России испокон веку не умели и не умеют ценить талантливых художников, путая политику с искусством...

Ах, как все перепуталось в новой России, думала я, проходя темную, заплеванную подворотню в любимом мною городе.

Беседу вела Любовь ЛЕБЕДИНА. С.-ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА.